

В. Т. Сиротенко

ФЕМИСТИЙ О ПОЛОЖЕНИИ НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ
И О БОРЬБЕ КРЕСТЬЯН И РУДОКОПОВ ПРОТИВ ГОТОВ

Ритор Фемистий (317—388), уроженец Колхиды, язычник, еще в юные годы переехал в Константинополь, где сначала был учителем красноречия и философии. Его отец имел крупные земельные владения в Пафлагонии. На двадцать пятом году жизни Фемистий произнес приветственную речь Констанцию (337—361), после чего достиг влиятельного положения при дворе и до конца своей жизни занимал государственные должности, являясь одновременно придворным советником и оратором. От него сохранились пересказы некоторых сочинений Аристотеля и 34 софистические речи¹.

Во время войны с готами (367—369) Фемистий вместе с императором Валентом посетил Фракию и пограничные районы Дуная и описал их положение. Он нарисовал картину полного разложения римской армии на Дунае. По его словам, пограничные крепости римлян оказались развалившимися, лишенными людей и оружия². Воины малочисленных гарнизонов были плохо вооружены и плохо одеты³. Начальники сторожевых пунктов и гарнизонов занимались не столько делами обороны, сколько торговлей и особенно скупкой рабов у соседних варваров, они нарочно уменьшали наличный состав своих войск, чтобы присваивать жалование бойцов⁴. Воины получали жалование крайне нерегулярно и, чтобы как-то существовать, грабили местных жителей, т. е. воевали не с варварами, а с подданными империи, добывая себе пропитание, и «вводили крестьян в нужду».

Конечно, в десятой речи Фемистия проявилась явная тенденция преувеличить заслуги императора Валента (364—378), принявшего некоторые меры для улучшения обороны на дунайской границе. Болгарский историк В. Велков полагает, что сообщение о заброшенности ряда крепостей на Дунае не соответствует действительности и продиктовано задачей прославить Валента⁵. Однако по нашему мнению, картина запущенности обороны нарисована Фемистием верно, иначе Валенту не было бы надобности устраивать длительную инспекторскую поездку, а затем обращать большое внимание на укрепление обороны. Дунай оказался открытым для

готских отрядов, разграбивших местности, жители которых не могли противостоять грабительским набегам⁶.

Фемистий освещает мирные переговоры с готами в 369 г. и перечисляет дальнейшие мероприятия империи, направленные на укрепление границы⁷. Придворный советник, вероятно, уже понимал, что соотношение сил сложилось не в пользу Рима. Поэтому он пропагандировал мирные отношения с варварами. Он восхвалял Валента за то, что тот хорошо относился к варварам и тем самым обеспечил своим подданным прочный мир⁸. Он утверждал: «Спокойный мир дороже военных трофеев». Он доказывал императору, что нет надобности уничтожать варваров, нападающих на страну, а необходимо только «отсечь их дерзость, спасти их и заботиться о них как предназначенных судьбою быть под римской властью»⁹. Себя Фемистий называет любителем мира и мирных речей. Иные положения выдвигает советник, когда дело касается Персии. Из его речи, адресованной Валенту в 373 г., видно, что он разделял мнение тех придворных, которые ориентировались на войну с Персией. Он утверждал, что варваров можно заставить повиноваться, внушив им страх перед римской властью, а персов к этому склонить невозможно. Поэтому он предлагал истребить персов¹⁰. Из его высказываний следует, что в годы, когда нависла над страной опасность со стороны племен Подунавья, обострились также и противоречия с Персией. За три года до массового перехода готов во Фракию Фемистий утверждал, что наиболее опасным врагом империи является Персия, а в 378 г., когда готы восстали во Фракии, ставка императора находилась в Антиохии, что затрудняло антиготскую борьбу.

Из сообщения Аммиана Марцеллина известно, что в начале восстания готов (в 378 г.) на их сторону с золотых приисков перешло много рабочих, которые не могли снести тяжести оброков. Сторонники Флостель де Куланжа, ссылаясь на этот факт, утверждают, будто к восставшим перешло много крестьян, рабов, колоннов и вообще угнетенных, что не подтверждается писателями, современниками событий. Тот же Аммиан Марцеллин утверждает, что после убийства готами трехсот перебежчиков не было случаев перехода на их сторону местных жителей¹¹. Однако не ясно, остались ли на стороне вестготов рудокопы, примкнувшие к ним вначале.

Из свидетельств Аммиана Марцеллина, Филосторгия, Иеронима, Сократа, Созомена и Евнатия известно, что восставшие готы подвергли нещадному ограблению Фракию и особенно сельские местности, не имеющие укреплений. Ответом на эти грабежи было антиготское выступление народных масс, положившее конец успехам готов. Аммиан Марцеллин писал о героической обороне Адрианополя, который наряду с солдатами защищали провинциалы¹². Сократ и Созомен отмечали мужественное сопротивление простых жителей Константинополя. По словам Сократа, выступление народных масс спасло столицу от готской опасности:

«Народ вступил в сражение, и варвары отошли далеко от города»¹³. По свидетельству Созомена, когда готы подступили к Константинополю, «многие из народа... вооружившись, как кому случилось, выступили навстречу врагам и, противоборствуя им, отогнали их далеко от города»¹⁴.

Речи Фемистия помогают понять дальнейший ход антиготской борьбы во Фракии и роль крестьян и рудокопов в этой борьбе.

Как известно, император Феодосий (379—395) использовал антиготские настроения народных масс. Его базой для наступления против готов стала Фессалоника, где народные массы наиболее решительно выступили против готов. Он объявил официальной верой православие вместо арианства, скомпрометированного союзом с готами. Император пополнил ряды армии земледельцами и рудокопами, которым впоследствии пошел на ряд уступок за их активное участие в антиготской войне. Так, он запретил земельным собственникам под угрозой конфискации их владений сгонять с земли старинных колонов и передавать ее своим рабам или другим колонам¹⁵. По существу, колоны стали наследственными арендаторами участков. Он облегчил положение рудокопов, которым предоставил право заниматься старательскими работами всюду, в том числе и на частных рудниках, и оставлять себе всю добычу при условии уплаты десятины фиску и десятины собственнику рудника¹⁶.

Фемистий замечает, что пополнение римской армии земледельцами и рудокопами сделало ее боеспособной и дало возможность Феодосию перейти в решительное наступление. Фемистий писал по этому поводу Феодосию: «И теперь мы гоним (варваров.— В. С.) назад—мы, которые сами были преследуемы!... Мы уже верим, что счастливое для скифов стечение обстоятельств изменится и что будет потушен распространившийся повсеместно пожар, которому не служили преградой ни Гэм, ни Фракийские горы, ни Иллирийские, трудно проходимые для путешественников. Но теперь мужественный дух охватил всадников и гоплитов! Ты уже делаешь страшными для варваров земледельцев и рудокопов и велишь, оставив добычу золота, добывать железо! И это войско, не отведавшее роскошной жизни, теперь добровольно собралось под (твоим.— В. С.) руководством добывать в боях благосостояние»¹⁷.

По свидетельству Фемистия, армии, пополненной земледельцами и рудокопами, не могли противостоять готы: «Это не поэтический вымысел, что Ахилл нагнал страх только своим возгласом на варваров, до сих пор побеждавших! Даже если не выступить в боевом порядке против неприятеля, а только расположиться поблизости от него и продвигаться вперед, то он уже лишается мужества! Разумеется, он боится понести наказание и возмездие за причиненное зло, когда видит (человека.— В. С.), потрясающего копьем, держащего в руке щит, и блеск шлема, сверкающего вблизи»¹⁸.

Становится понятным, почему часть готов бежала за Дунай, а другая поступила на службу к императору и приняла активное участие в разгроме своих восставших соплеменников.

После подавления готского восстания, Феодосий привлёк готов и других варваров на римскую службу, чтобы предотвратить внутреннюю опасность, особенно давшую себя знать в Фессалонике и Антиохии, и выступления своих политических противников на Западе. Фемиций поддержал такую политику и обосновал ее. Ссылаясь на исторический опыт переселения галатов в Малую Азию, Фемиций высказывал надежды на последующую ассимиляцию поселившихся в пределах империи варваров и утверждал, что и варварские племена, подобно галатам, вскоре романизируются и будут выполнять повинности¹⁹.

Средние землевладельцы катастрофически исчезали, Фемиций же понимал, что стране нужны воины и плательщики налогов. Он полагал, что ими могут стать варвары. В благодарственной речи, произнесенной по поводу заключения мирного договора с готами в 383 г., он высказал надежду, что, подобно галатам, и скифы (он имел в виду готов и задунайские племена) будут вносить налоги и принимать участие в римских походах²⁰.

Фемиций подробно рассматривал противоречия между варварами и Римской империей и доказывал, что они могут быть решены путем мирных переговоров. Одновременно он подчеркивал, что стремление к миру должно сопровождаться готовностью к войне с врагами²¹. С высокомерием потомка истинных римлян Фемиций утверждал, что римляне самой судьбою предназначены властвовать над всеми остальными народами²². Из его речей видно, что он стремился не к равноправному миру, а к такому положению, при котором римляне диктуют свою волю другим народам²³.

Речи Фемиция дают также большой материал для понимания экономического положения Балканского полуострова, для изучения внутреннего положения Римской империи, состояния ее армии. Наиболее важным и интересным в его сообщениях представляется тот материал, который дает нам возможность судить об огромной и решающей роли крестьян и рудокопов в ликвидации готского засилья во Фракции в 378—380 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О нем см.: *H. Scholze. De temporibus librorum Themistii. Göttingen, 1911; A. et M. Groiset. Histoire de la littérature grecque, t. 5, p. 872 s.; O. Seeck. Geschichte des Unterganges der Antiken Welt, Bd. 4, S. 102, 370, 429, 470, Bd. 5, S. 15, 460, 508, 513; W. Stegemann. Themistios. — RE, Bd. 5, Abt. 2, 1934, S. 1642—1680.*

² *Them. Orat., X, 130 cd.*

³ *Ibid., 136 b.*

⁴ *Ibid., 130 cd.*

⁵ *В. Велков. Сведения на Темистий за Тракия. — В сб.: Г. Кацаров. т. 2. София, 1955, стр. 260.*

- ⁶ Them. Orat., X, 136 d, 137 b.
- ⁷ *Ibid.*, 135—138.
- ⁸ *Ibid.*, 141 a.
- ⁹ *Ibid.*, 131.
- ¹⁰ Them Orat., XI, 141 d.
- ¹¹ Amm. Marc., XXXI, 15, 4.
- ¹² *Ibid.*, XXXI, 15, 10.
- ¹³ Socr. Schol., V. 1.
- ¹⁴ Soz.. VII, 1.
- ¹⁵ Cod. Just., XI, 63 (62), 3.
- ¹⁶ *Ibid.*, 7 (6), 3.
- ¹⁷ Them. Orat., XIV, 181.
- ¹⁸ *Ibidem.*
- ¹⁹ Them. Orat., XVI, 211 c.
- ²⁰ *Ibid.*, 211 d—212 a.
- ²¹ Them. Orat., X, 130 a.
- ²² *Ibid.*, 131 d—132 a.
- ²³ *Ibid.*, 135 d.